

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	7
Священник Александр Шантаев	
В праздник	11
Катин сон	24
Священник Александр Дьяченко	
Рождественская елка.....	34
Рассказ бабушки Раи	39
Ангел	42
Радость	64
Протоиерей Константин Пархоменко	
Рождественское чудо у полярного круга. <i>Святочная история</i>	80
Священник Сергей Дурылин	
Четвертый волхв. <i>Рассказ</i>	117
Протоиерей Александр Авдюгин	
Птица малиновка и холодный вертеп	125

Протоиерей Николай Агафонов	
Молитва алтарника	
<i>Святочный рассказ</i>	132
Соборный чтец	142
Оборотень. <i>Святочный рассказ</i>	149
Игумен Нектарий (Морозов)	
Детская радость Рождества	175
Протоиерей Митрофан Сребрянский	
Из «Дневника	
полкового священника»	180
Митрополит Вениамин (Федченков)	
Воспоминания о Вифлееме	191
Епископ Пантелеимон (Шатов)	
Дубленки	193

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Три восточные царя
водят пальцем по бумаге
и, губами шевеля,
слог приклеивают к слогу:
слог, похожий на дорогу.

Ольга Седакова. «Сказочка»

Маленькое полутемное укывище от непогоды на окраине Вифлеема. Шорох золотой пахучей соломы. Горячее дыхание вола. Негромкое переступание ослиных копыт. Мать, склонившаяся над деревянными яслями. Тихое ангельское пение. Пастухи, в замешательстве перешептывающиеся у входа. Шуршание роскошных царских одежд, так не подходящих для путешествия, но столь подобающих случаю и достоинству путников...

Сколько бы раз я ни обращался к образу Рождества Христова — иконописному или словесному — волхвы всегда живо волновали мое воображение. Может быть, их царское достоинство тому причиной, может быть, род занятий, завораживающий меня с отрочества, — звездочеты. От этих загадочных

■ *Вместо предисловия* ■

путешественников мы получили обычай преподносить друг другу дары на Рождество.

Мне часто кажется, что наш дед Мороз это вовсе не Святитель Николай, (будто у самого любимого на Руси святого помощника мало дел на земле!), а вот такой волхв, который «иным путем отошел в страну свою» и каким-то чудом заблудился в снежных равнинах нашей северной родины, живет теперь здесь и приносит зимой подарки всем маленьким детям по любви своей ко Христу. А может быть, как в рассказе С. Н. Дурылина «Четвертый волхв», он и не видел еще Христа, ходит по нашим лесам, «пещорам» и «пустыням-густыням», имеет *русское* имя, собирает «со всей земли, от праведных трудов, от хресьянских, отовсюду по зернышку», чтобы свой дар принести Ему.

Таковыми волхвами мне представляются авторы, чьи рассказы собраны в этой книге.

Священник-писатель — явление не новое, но хорошо забытое за семьдесят лет богоборческой власти. Эти люди пишут о нас с вами, они говорят на одном с нами языке. Их произведения, как правило, просты и верны традициям реализма, даже если это святочный

■ *Вместо предисловия* ■

рассказ, граничащий с чудом. Главное их достоинство — они задевают за живое и мало кого оставляют равнодушным. И это не удивительно, ведь где бы и когда ни происходили эти истории, любовно собранные и записанные авторами, они очень узнаваемы и всегда свидетельствуют о живом присутствии Бога в нашей жизни. Это ли не лучший дар волхва с *русским* именем Родившемуся в эту ночь!

Поэт Николай Клюев писал когда-то:

На распутьях дальнего скитанья,
Как пчела медвяную росу,
Соберу певучие сказанья
И Тебе, родимый, принесу.

Ныне сказанья, возможно, стали не столь певучи как прежде, но они о том же. Герои их делают с радостью трудную и прекрасную работу любви: спешат на помощь, дарят праздник, совершают маленькие чудеса своими руками.

Авторы похожи на своих героев, и, конечно же, на волхвов, которые собирают зернышки сказаний и житейских историй, чтобы

■ *Вместо предисловия* ■

смолоть их мукою; ищут воду «безмутную, без одной соринки»; пекут хлеб, чистый и честный, — «дар земли своей», чтобы принести его Христу; видят Звезду, находят «путь прям» и отправляются в долгое путешествие, свидетельствуя о рождении Слова.

Александр Логунов, поэт и музыкант

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСАНДР ШАНТАЕВ
(Род. 1964)

В праздник

После навечерия Рождества, долгой службы с вечерней и царскими часами отец Трифон пришел домой, покормил кур и собаку и снова стал собираться. Матушка Вера, перебиравшая гречу на кухонном столе у окошка, слышав сопение (это отец Трифон искал рукой пройму рукава за спиной), подняла зоркие серые глазки поверх очков и спросила словно безо всякого интереса:

— Куда это ты, Трифон Иванович?

Батюшка засопел еще громче — нашарить злополучный рукав никак не удавалось, и, обидевшись на него, он заворчал:

— Сколько просить тебя: вшей клинышек в поясицу, не видишь, подрысник-то совсем тесный!

— Он не тесный, а старый, — отвечала из своего угла матушка. — Куда уж его подшивать?.. У отца вон Воздвиженского, как ни придет — то подрясник новый, то ряса, и с пуговками, и с лямками, а то и греческого кроя! Спросил бы, где это ты, отец Геннадий, шьешь себе? Может, и нам устроишь?

— Отец Воздвиженский — академик, он с архиереями обедает, ему без этого нельзя. У него один материал, наверное, рублей триста стоит.

— Триста! Да там никак не меньше тысячи, не говоря уж о плате за работу...

— Так что же ты несешь тогда? — Отец Трифон окончательно рассердился и повторил, передразнивая жену: — «Где это ты, отец Геннадий, шьешь себе?» А где мне столько денег набрать?

— А то не мог бы? — Матушку тоже раззадорил спор.

— А то мог бы? Только разве если старух в деревне отпеть всех скопом...

— Кабы не трусость твоя, Трифон Иваныч, — гнула свое матушка, — глядишь, за сорок лет службы насобирал бы себе и на подрясник, и на рясу. Другие отцы вон и на машину, да

не на одну, насобирали, а у нас даже телефона нет! А то этим дай, тем помоги, там послужи — а денежек нам не надо, спаси Бог! Хорошо тебе, батюшка, другим-то добро творить...

Голос матушки, затронувшей больную тему, задрожал, а глаза ее вмиг увлажнились.

— Мать, ну что ты, в самом деле! О том ли говоришь? — Отец Трифон с великой нежностью взял жену за плечи и поцеловал в макушку. — Ты — моя ряса, — он снова чмокнул супругу в голову, — и архиерей, и тысяча рублей... — От неожиданной рифмы он засмеялся, улыбнулась и матушка.

— Да ну тебя, Трифон Иванович! Ты — известный человекоугодник. Лучше скажи, куда опять собрался?

— Пойду схожу Татьяну причастить. Обещался навестить бабку перед Рождеством...

— Батюшка! Прилег бы лучше перед всенощной! Не молоденький ведь уже, а к Татьяне успеется — можно и в другой раз сходить. У нее уже все концы и сроки перемешались.

— Матушка, не перечь! Успею и сходить, и поспать достанет времени...

Довольный, что последнее слово на этот раз осталось за ним, отец Трифон натянул

выцветшую бордовую скуфью с заметной рыжиной, накинул пальто, подхватил баульчик и бодро вышел в сени, а оттуда на двор. Из-под крыльца ему бросилась в ноги пегая дворняжка Гулька, задорно виляя хвостом и всячески выказывая свою радость.

— Гулька, а ну поди, не мешай! — Отец Трифон отмахнулся и пригрозил: — За мной не ходить, сиди дома!

Гулька, присев на задние лапы, нетерпеливо перебирала передними, подвизгивая и страстно желая помчаться вслед удалявшемуся хозяину, но послушаться его не посмела.

Полуденное солнце ярко светило с высокого чистого неба. От мороза снег под ногами сухо поскрипывал. Ветви деревьев покрылись белейшим пухом и приняли вид причудливых стеклянных букетов, вымороченных и бесчувственных в своей томной красоте и хрупкости. Из печных труб потянулись вверх длинные дымные шлейфы, словно вся деревня изготовилась сняться с места для какой-то зимней перекочевки.

Отец Трифон любил такое состояние природы и всегда чувствовал себя в это время

счастливо, особенно накануне больших праздников, когда душа умиралась в тихом предвкушении службы. Он шел по улице, здороваясь со встречным людом, переговариваясь с ребяташками и поименно отвечая на поклоны и приветствия.

— Здравствуй, Марья! Что? Будет, а как же! Непременно будет всенощная, приходи...

Встреченная старушка, румяная и сморщенная, как лежалое яблоко, и закутанная в пуховый платок, заснеженный по краю, ослабилась:

— А в избу-то не заберутся, пока в церкву пойду?

— Марья Петровна, уж кто бы опасался... Что у тебя братъ-то?

— Ох, и то правда, батюшка родимый...

Они посмеялись и разошлись, каждый в свою сторону. Щеки и нос пощипывал мороз, у мужиков, попадавшихся навстречу, белый иней запушился на воротниках и козырьках шапок. Заметив нестарого, плотного мужчину, выходящего из переулка, отец Трифон окликнул его:

— Сергей!

— Ой, Трифон Иванович, напугал! — Сергей, попыхивая папиросой, подошел к отцу

Трифону и протянул широкую крепкую ладонь. Они обменялись рукопожатиями.

— Ты уже никак разговелся? — Отец Трифон потянул носом воздух.

— Да есть маленько, до первой звезды... Дрова возили...

— Вот и я насчет дров... — Батюшка прихватил Сергея за пуговицу на бушлате. — Уж подвези ты мне, миленький, кубов пяток — боюсь, припасенных не хватит.

— Сделаем, Тимофей Иванович, о чем речь!

— Ну и слава Богу...

Они снова пожали друг другу руки, и отец Трифон пошел дальше.

По пути он завернул к магазинчику, именному аборигенами «сельпо», — деревянному домишке с крыльцом, с хворостяным веником на пороге и лохматой псиной, грызущей кость в сенях. Оглядев наскоро полупустые полки, попросил продавщицу выбрать ему с лотка копченую скумбрию, да покрупнее.

С пахучим свертком под мышкой и с чемоданчиком в руке, он дошагал до окраины села, направляясь к потемневшей и покосившейся от времени избушке, какую всякий раз рисуют

в иллюстрациях к сказке о рыбаке и рыбке на первой и последней страницах.

— Ну, бабка, жива ли ты еще? — пробормотал отец Трифон, преодолевая высокие сугробы.

Рядом с домом, на чистом снегу, нарушенном только пунктирным росчерком какого-то юркого зверька — может быть, кошки, а может, и зайца, — не было заметно ни одного человеческого следа. Запрокинув голову и прижав ладонь ко лбу, защищая глаза от слепящего солнца, отец Трифон посмотрел на крышу, разглядывая закопченную трубу в поисках дымка, но труба лишь холодно торчала низким пустым обрубком.

Подергав дверь и убедившись, что она заперта изнутри, отец Трифон подобрал полы подрясника и направился по снежной целине к окошкам. Постучал в плотно затянутое льдом стекло с разводами инея и, не дождавшись ответа, постучал снова. «Вот ведь глухая тетеря...» — подумал с досадой. Он забарабанил кулаком в раму и вскоре с облегчением услышал скрип засова.

— Бабка, заснула ты, что ли? — закричал он в образовавшуюся щель. Оттуда показался

бледный старушечий нос и слезящийся от старости глаз.

— Кто ета?

— Да кому бы еще быть? Это я, отец Трифон!

— Ой, ба-атюшка... Я ведь не вижу ничего...

Отец Трифон пошел вслед за старушкой в темные сени, впотьмах натываясь на пустые ведра и ящики с ветошью. Татьяна на ощупь отыскала дверную ручку и открыла дверь в комнату. Входя, отец Трифон почти не почувствовал разницы температур. В избе плотно застоялся затхлый, но при этом студеный воздух.

Печка разделяла жилое помещение на кухню и комнату. Свет от слепых окошек с прогнившими подоконниками едва освещал плитку с черным верхом, стоявшую на столике, кружки, миски, еще что-то темное и закопченное, а также рассыпанные возле поддувала щепки и несколько полешек... В комнате по левую сторону помещался старый, продавленный диван, а по правую — железная кровать, оставляя проход в ширину человеческого тела. В углу, под несколькими иконами, стояла этажерка, убранная тюлем

с кружевной вышивкой, который за многие годы оброс пылью и паутиной. На столе у постели теплился фитилек в плоской баночке. «А все же бабка ждала меня!» — отметил про себя отец Трифон.

— Как ты живешь в такой стуже, Татьяна? Топила сегодня?

— Да нет, батюшка... Не собралась еще...

— А ела чего-нибудь?

— Ну, полно, батюшка, как можно? Я же причащаться собралась, все тебя дожидалась!

Отец Трифон, отдышавшись и вытирая усы и бороду платком, рассматривал стоявшую перед ним старуху. Та потирала у груди маленькие, давно не мытые руки с множеством морщинок, черных из-за намертво въевшейся сажи. Татьяна была укутана в несколько одежд, одна поверх другой, и перевязана крест-накрест пуховым платком.

— Вот тебе, бабка, гостинчик, разговеешься на праздник! — Отец Трифон положил на стол сверток с рыбой.

Татьяна, всплеснув руками, закудаhtала, захлюпала носом и прослезилась. Она потянулась схватить руку отца Трифона, чтобы поцеловать ее, но тот лишь отмахнулся в сердцах:

— Господи помилуй, до чего народ обездоленный: чуть что — в слезы! — Поставив баульчик на стол у лампадки, он обратился к Татьяне: — Ты посиди пока, подожди, я не долго...

Он вышел в сени, ворчливо переступая через многочисленные препятствия, по-стариковски кряхтя, открыл дверь на улицу, разыскал под грудой всякого хлама черенок лопаты и, высвободив его, пошел на двор. Там он, не размахисто, но споро, раскидал небольшую тропку от дома к дровяному сараю, отбил подмерзшую дверь и принес одну за другой несколько охапок дров.

— Вот я уйду, чтобы потопила! Нечего дрова экономить, слышишь, бабка?

Батюшка грузно сел на диван отдышаться, а затем, открыв свой чемоданчик, стал надевать облачение прямо поверх пальто: потертую, некогда белую с серебряным шитьем, старинной выделки епитрахиль и поручи. Прочитав правило перед исповедью, он снова уселся на диванчик и спросил у бабки:

— Ну, в чем каешься, моя хорошая?

— Ох и не знаю, отец Трифон, батюшка, как меня Господь терпит по моим грехам?

Нет греха, которого бы не сотворила и делом, и словом, и помышлением... И пьянствовала, и плясала, и песни пела, и жила не венчанная, посты в молодости не соблюдала, в церкву не ходила, чужое брала в колхозе, обсуждала, завидовала... Только что аборт не делала, этого не было, спаси Бог... Грешная я, во всем грешная, и куда только попаду по моим грехам, и где только окажусь?

Татьяна перечисляла обычные старушечьи грехи и причитала, а отец Трифон слушал ее, прикрыв глаза и не перебивая до ему одному ведомой меры, а когда посчитал достаточным, то набросил на ее голову конец епитрахили и принялся читать по памяти: «Господь и Бог наш, Иисус Христос...»

После Причастия отец Трифон собрал свои вещи, повесил на шею мешочек со Святыми Дарами и, обняв Татьяну, поцеловал ее в щеку.

— Ну, с Причастием тебя, свет мой Татьяна Фёдоровна, с наступающим Христовым Рождеством! Бог даст, после Крещения опять навещу тебя.

После ухода священника Татьяна долго стояла у икон, шепча вперемишку обрывки молитв, которые помнила, много и часто осеняя

себя крестным знаменем. Потом прилегла на диванчик прямо в валенках, накрывшись одеялом, и лежала без сна, глядя на язычок пламени, трепетавший в лампадке. В слюдянистых окнах поплыл багровый отсвет, потом потускнел и затух. Наступил вечер, сиреневые сумерки скоро сменились темнотой.

Очнувшись, хотя она и не спала, бабка кое-как поднялась с постели и отправилась на кухню, на ощупь привычно нашаривая чуткой рукой давно знакомые предметы. Возле печки Татьяна с кряхтением согнулась и открыла дверцу, подобрав с полу несколько полос сухой бересты, зажгла их и стала укладывать щепочки в топку. Подложив еще и еще, она присела на горку поленьев. В сухом воздухе дрова занялись легко и быстро, словно истосковавшись по огню, и скоро быстрые сполохи из открытой печки весело заиграли алыми отражениями на стенах, подвижными тенями повторяя очертания окружающих вещей.

Старушка встала, придерживаясь за дверной косяк, зажгла керосиновую лампу и, покачиваясь и шаркая валенками, пошла за скумбрией отца Трифона. Развернув газету, понюхала, перекрестилась и уселась за стол

■ *В праздник* ■

ужинать. У незанавешенного окошка, перебирая скрюченными пальцами пахучую рыбью плоть, она думала о чем-то своем, сама того не замечая, углубляясь в какие-то дальние дали. В памяти всплывали бесконечно яркие и счастливые образы времен ее давнишней юности — синее ночное поле, кони, запряженные в сани, пахнущее сухим цветом сено, разбросанное на церковном полу... И, сама не замечая, жуя впалыми челюстями, глотала старуха вместе с соленой рыбой и свои соленые слезы.

...Вокруг темно. Редкой мозаичной смальтой светятся уютные деревенские окошки. На другом конце села, на паперти, горит лампочка в жестяном колпаке. Двери церкви распахнуты настежь; напуская морозный пар, внутрь входят люди... За стволами, за черными ветками, под далекими звездами церковь высится отрешенно и одиноко. В огненном алтаре, в клубах благовонного дыма, отец Трифон, величественный и торжественный, похожий сейчас на библейского пророка, возглашает начало службы.